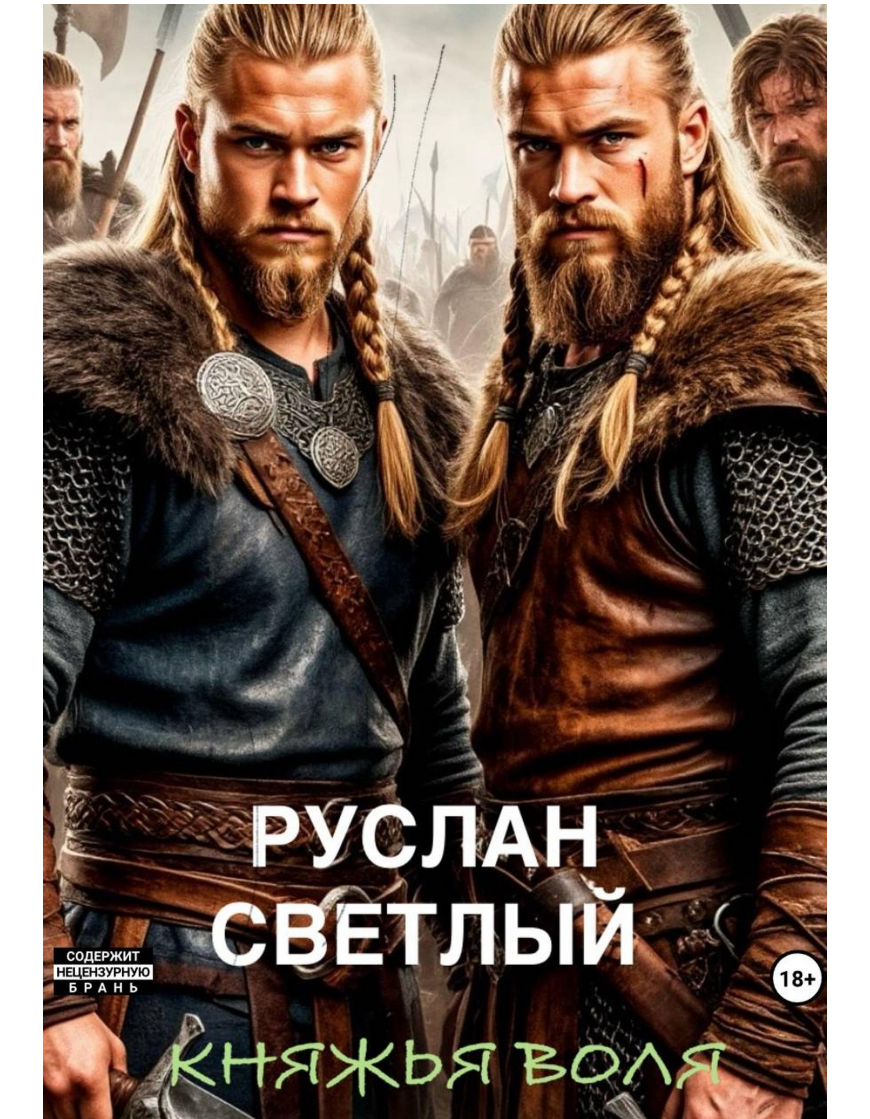

A movie poster for 'The Light of the Sun' (Russian title for 'The Vikings'). It features two main characters, Ragnar Lothbrok and his son Bjorn Ironside, both with long blonde braids and beards, wearing traditional Viking attire. Ragnar is on the left in a blue tunic with silver brooches, and Bjorn is on the right in a brown leather tunic with a red scar on his face. Other Vikings are visible in the background.

РУСЛАН СВЕТЛЫЙ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

КНЯЗЬЯ ВОЛЯ

Руслан Светлый

Княжья воля

<https://litres.ru/74632902>

SelfPub; 2026

Аннотация

Второй роман цикла «Княжий долг». Продолжение приключений попаданцев из беспокойных 90-х Андрюхи Старцева и Сашки Рокотова в Древней Руси.

Осторожно, начинается альтернатива!

Содержание

Глава 1	4
Конец ознакомительного фрагмента.	67

Руслан Светлый

Княжья воля

Глава 1

Стараясь сильно не шуршать мягким тканым покрывалом с подбойкой из тончайшего войлока, я спустил ноги с постели и подобрал с пола исподнее. В ноздри ударил терпкий запах, что окутывает мужское тело после любвеобильной ночи. Мой собственный запах, к которому примешивался отчетливый дух давно протухшего пота, гари и еще бог весть чего. Эдакое стойкое амбре ни в какой речке не смоешь, никаким одеколоном не зальешь. Я брезгливо поморщился. Надо бы попросить Шепета сотворить баньку, а то, глядишь, на меня с целью отложить многочисленное потомство скоро мухи начнут слетаться.

В широком луче света попадавшего в комнатку из сдвинутого до упора волочкового оконца лениво плясали взболтанные движением моего тела пылинки, за стеной боярского терема вовсю бушевало древнерусское утро.

За бревенчатой перегородкой в смежном помещении отдыхал на отцовском ложе Завид. Ну как отдыхал - мучился, изредка со стонами всплывая из черного омута забвения. Руки ему все таки оттяпали. Вовремя подсуетились и успели не

пустить дальше губительную для тела заразу. Местные эскулапы Дохот и Данья в один голос утверждали, что жить Завид непременно останется. Вот уже и сонного взвару вливают в него поменьше, чтобы привыкал бодрствовать и пересиливать боль. Без одной руки можно протянуть долго и, если повезет - счастливо.

- Уже уходишь?

Через плечо я покосился на размякшее от сна лицо. Симпотная молодая брюнеточка. У Любославы таких чуть ли не полдюжины. Чернавки. Девки теремные, холопская обслуга. Эта, в частности, чаще других нам с пацанами хавчик приносила и глазки мне строила. Зачетная девочка. Внешность почти модельная: носик, бровки, губки, глаза эти серые. Фигурка вот только подкачала. По местным, понятно, меркам. Здесь любят когда баба в мясе, чтоб с утра по попе шлепнул, пришел в обед, а там еще колыхается. Короче, излишне стройные, с бедрами не достаточной ширины да грудями едва поменьше спелой тыквы не в почете, их чуть ли не больными считают.

Я заглянул в большие глаза и ободряюще им улыбнулся. Очень славно, что я в темноте не пронзил ножом это гибкое тело. Слышал шорох отодвигаемого дверного полога, мягкую поступь по дощатому полу, приготовился рывком скатиться с топчанчика на пол и воспользоваться ножиком для самообороны. Вовремя сообразил, что убийца уже с середины крохотной комнатушки-чулана ткнул бы в меня лежаще-

го копьём либо заточил топор о мою башку не доходя пары-тройки шагов.

- Службу служить пора, я же десятник, как никак.

Десятник. То же, что и сержант, наверное. Командир от-деления. Кому оно надо ночью убивать десятника? В терем еще проникнуть нужно. Бесшумно. Так же бесшумно отыс-кать спящего стража и прикончить не нарушив общего спо-койствия. Это при условии, что выставленная на подворье стража убийца благополучно клювами прощелкает.

Подумал и сразу припомнил предупреждение Бада о рыскающих по Вирову урманам и боярской казне, которую нужно охранять. Бадай еще что-то буровил про какие-то дю-же ценные печати. Вот странно, согласно современной мне науке, письменности на Руси в эти времена еще нет, а печати уже есть. Где боярин изволил ставить оттиски этими самыми печатями? В самой печати должно же что-то быть написано или нет?

В любом случае мне требуется подкрепление. А по се-му, нечего Липану с его паразитами на торге груши окола-чивать, пора их к воинской службе привлекать. Боярские пе-чати важнее какого-то там навару. Бабок с доверчивых обы-вателей стрясти всегда успеем, а вот, случить какая завару-ха, мы вшестером против профессиональных скандинавских убийц не вытянем. Заодно подучатся у наших «стариков» обращаться с оружием.

Эта дельная мысль красиво засверкала в моем отдохнув-

шем за ночь черепа и я в предвкушении ее исполнения ускорил процесс самооблачения.

Проклятый шнурок гашик, что служит старинным порткам ремнем и резинкой одновременно, перекрутился, завязался в капризный узел и ни за что не желал развязываться, дабы помочь мне закрепить штаны на талии. Чертыхаясь сквозь зубы я вступил с ним в яростную схватку с помощью отросших ногтей ставшими похожими на орлиные когти.

Заметив мои мучения, девчонка тихонько хихикнула. Я опять обернулся.

- Тебя как звать-то, краса-девица?

- Младиной. Младой, - сказала сквозь улыбку. - Ты иди, я все здесь приберу и тоже побегу, боярыня рано поднимается, звать станет, расспрашивать как было.

Боярыня будет ее расспрашивать? На кой? О чем?

- Погоди-ка, - ошпаренный догадкой я остановился победждать непокорный узел, - так это Любослава тебя ко мне отправила что ли?

Она залилась краской. Не то, чтобы очень стыдливой, так, слегка порозовела как недозрелый персик.

- Ага.

- И ты пошла?

- Я рада была. На тебя же все девки заглядываются. Даже сама боярыня. Она сказала, что ты не такой как остальные, слава тебя ждет великая. Любая будет счастлива зачать от тебя ребеночка, не только я.

От такого прямолинейного заявления я остолбенел. С моей стороны все случилось спонтанно и без особой поэзии. Дело в том, что сразу после визита купца Бадея боярыня Любослава конфиденциально попросила меня как старшего над гарнизоном одного бойца оставлять ночевать на мужской половине терема. С оружием. Для безопасности ее и детей. Можно всякий раз разных, ей все равно. Отказывать не стал, почему не помочь симпатичной бабенке почувствовать себя в относительном спокойствии. Решил я тогда воспользоваться ситуацией и перебраться ночевать в теремок. Десятник я или кто? Две ночи прошли спокойно, а на третью произошло то, что произошло. Удовольствие произошло. Интимного характера. У меня и, надеюсь, у Младинки тоже. Высшие силы в свидетели - я этого не искал. Она сама пришла. Юркнула под бочок мягкая и теплая. Что мне здоровому парню было делать? Прогнать девку? Может быть так и поступил бы какой-нибудь ботан, блюдущий нормы морали пуще заботы о своем здоровье, но я таких в своем окружении не знаю.

Поперву подумал, что это сама вдовствующая боярыня меня в постели навестила, но потом понял, что стан у Любославу покрепче будет, да и горе у нее, траур как никак.

Спору нет, парень я хоть куда, но служить племенным быком, участвовать в систематических неразборчивых половых связях не подписывался. Сегодня Младина, завтра еще какая-нибудь девица, послезавтра - третья и всем ребеночка подавай? Давно минули те сладкие деньки, когда я

был сопливым, малолетним озаботом, готовым пускать слюни на обнаженную женскую сиську. Банька-сауна с девочками под пиво да икорку случалась в нашем дружном коллективе частенько, но далеко не каждый день, а только по большим праздникам или в честь свершения кем-то из нас героического подвига. Любая награда, либо поощрение набивает оскомину, если выдается в неконтролируемых размерах и с безответственной регулярностью.

Лишь через некоторое время я узнал, что подобные «угощения» в нынешней поре в большой чести. Дорогому гостю или нужному человечку практически в обязательном порядке после сытного застолья выписывали на ночь особу женского пола для закрепления успеха, так сказать. А пока я был сильно и не очень приятно удивлен подобным к себе отношением и решил взбрыкнуть.

- Передай боярыне, чтобы больше никого не присылала, понятно? Ни мне, ни кому либо еще из моих людей, - сказал я строгим голосом.

Хороша охранная служба в обнимку с девкой! При иных условиях о такой лишь мечтать можно. Однако, в здешних суровых реалиях подобные мечты опасны. Вредны для целостности органона.

Испуганная моим суровым видом Млада ойкнула, порывисто вскочила, мигом напятила через голову нижнюю рубаху, подхватила распущенные волосы, шлепая босыми пятками, вылетела за дверной полог.

Обиделась, по ходу.

Я озадаченно поскреб отросшую щетину под челюстью и решил пояс с мечом пока не надевать. Сходить на двор навесить парашу, умыться, высморкаться можно и без оружия. Когда нет боевых действий, а кругом все свои - зачем постоянно таскать на себе железо? Неудобно же! Если бы ночью или под утро чего случилось, с постов охранения боярского подворья уже бы примчались с докладом. Ночью дежурили Жила с Невулом, перед рассветом - бывалые Шепет и Рыкуй. Этих двоих, мне не без помощи виrowsкой боярыни удалось уговорить оставаться на ночь в боярской усадьбе до возвращения Бура. Не бесплатно, само собой - за дармовой боярский хавчик и мой личный взгрев в виде нескольких серебряных монет в сутки. Мог себе я такое расточительство позволить, сильно не убудет, а спокойнее на душе в разы, когда рядом настоящие дружинники, пусть немного не целые.

Выкатился я как свежий колобок на теремное крылечко. Встрепанный, расхристанный, зевающий. Потянувшись, с наслаждением расправил затекшие крылья, прищурился на ласковое солнышко.

Только-только наметился рысью метнуться до отхожего места, как наткнулся пытливым взором на Рыкуя, втискивающим свое тело в приоткрытую створку главных и единственных усадебных ворот. Помогал ему в этом занятии верный друг и сосед одноглазый Шепет, который эту самую створку за ним бережно и затворил, заложив на место тол-

стый брус-заворину, что служил надежным дополнительным засовом. Фигуру мою статную на крыльце они, естественно, срисовали, но демонстративно не спешили докладывать старшему по званию как прошло ночное дежурство. Стояли возле амбара и тихонько меж собой базарили о чем-то.

Эх, оборзели служивые. Злодейским образом уполовинили личный состав самой тяжелой предутренней смены, когда стражу сильнее всего клонит в сон. Дурная смена, по себе знаю. Согласно биологическим часам большинства хомо сапиенсов, в промежуток с четырех до шести утра человеческому организму положено пускать ртом слюнявые пузыри и прокручивать мозгой последние сладкие сны перед новым трудовым днем. Сколько таких любителей поспать на посту с перерезанным горлом уснули навеки. В этот временной суточный интервал целые войны начинались. А у нас народу мало, у нас смены удлиненные. А эти в самоволки шастают. Нашли время ироды.

В общем, начал я потихоньку звереть.

- Рыкуй, можно тебя на два слова?! - ласково позвал я.

Шесть тридцать. Теремные холопы просыпаться начали, дверьми поскрипывать, утварью постукивать. Из загонов кто-то выпустил домашнюю птицу травку на дворе пощипать. Щелкая крылами, визгливо бормоча на ходу, с надутым парусом гребня мимо меня вслед за улепетывающей со всех ног пестрой курицей пронесся петух. Красавчик! От него, наверное, ещё ни одной кудахтающей дуре уйти не удава-

лось.

Рыкуй приближался ко мне с рожей, перекошенной отнюдь не радостью новой встречи, но и виноватым выражением его физиономии я назвать бы не рискнул.

Выющиеся волосы почетного дружинника сально блестели на солнце, при ходьбе он забавно отрабатывал торчком культи вместо кисти. Его, пугающая своей незаконченностью, увечная рука напоминала рычаг, толкающий колесо паровоза.

- Зачем звал, Стяр? - остановившись за два метра, буднично поинтересовался Рыкуй.

Запах сивушного выхлопа мало с чем перепутаешь. Зенки красные, слезливые. Любой гаишник под протокол и лишение без базара.

- Докладывай как ночь прошла, - начальственным тоном молвил я, уперев руки в бока.

- У меня? - махом оживился однорукий, но я его сразу успокоил:

- У тебя вижу, что неплохо. Я за подворье боярское толкую, которое тебе велено охранять и защищать живота не жалея. У нас вроде как уговор.

Взгляд Рыкая метнулся в сторону.

- Дык, тихо все было...

- Тихо? А ведомо тебе, что под покровом тьмы в мою опочивальню тайком проник какой-то тать и вероломно на меня напал?

- Ты что бился с кем-то в тереме? - лицо Рыкуя сделалось если не испуганным, то очень обеспокоенным, его глаза зашарили по моей одежде, видимо, в поисках страшных ран или кровавых пятен на худой конец.

Ага, сражался изо всех сил. Только не тем оружием о каком ты подумал. Несколько раз в партере сходились и так и эдак.

К нам разболтанной дембельской походкой подгрёб Шепет. Выражение его единственного ока я бы охарактеризовал как уверенное. В растрепанной шевелюре скопился соломенный мусор, которому и взяться там особо неоткуда, если не засунуть голову в стог сена.

- Что стряслось?

Ещё спрашивает. С его выдержкой неплохо в покер катать. Я удостоил Шепета коротким, испепеляющим взглядом и подумал, а что бы сотворил с ними на моем месте комроты. А Гранит? Да все, что угодно, исходя из текущего старлейского или майорского настроения. От недельного внеочередного наряда до мордобоя. Косяк служивых на трибунал не тянет, не на фронте мы и не на операции, но дисциплинарное взыскание летит как шар в ближнюю лузу. Как командир вверенного подразделения я обязан пресечь, задушить в корне и никак иначе.

- Говорит кто-то ночью влез в терем и на него навалился, - пояснил приятелю Рыкуй, все еще придиричливо выискивая какой-нибудь намек на кровавые раны на моем туловище.

Шепет хмыкнул и хитро прищурил уцелевший глаз.

- Известно кто навалился. Девка-холопка. Надеюсь, ты победил ее, Стяр?

- Дам тебе один совет, Шепет, последний из бесплатных в этом году: засунь свой шнобель себе подмышку и в чужие дела не внюхивайся.

Одноглазый участник незапамятных боевых действий насупил, поджал обиженно губы. Не придав значения его реакции, я продолжил:

- Короче, это - залет, бойцы. Самовольное оставление расположения - раз, - я ткнул пальцем в грудь Рыкуя. - Оставление поста во время дежурства - два, - я переместил указующий перст на Шепета.

- Чего? - сморщился Шепет, отчего черная повязка сползла на бровь, приоткрыв бурую щель в изувеченном веке. - Чего ты бормочешь? Какой еще пост?

Вот, это уже ближе к теме. Интерес к уставу проснулся. Мне не в лом, сейчас популярно изложу несколько пунктов со всей возможной адаптацией для серого вещества под сферической костью ветеранских голов.

- Во время дежурства, вы должны охранять место где стоите и все возможные подступы к нему. При приближении постороннего, несущему караул положено издать возглас: «Стой, кто идет?!» Если неизвестный себя не назвал, не произнес условленного слова - произвести предупредительный... крик в воздух и предпринять действия к задержанию

или... убийству нарушителя путем ударов холодным оружием на поражение. - Ух, по-моему, неплохо забубенил, самому понравилось. - Вместо всего этого один из вас отправился по своим делам, другой счастливо подрых на сеновале. А если бы в это самое время урманы, о которых говорил Бадай, надумали напасть?

- Зачем урманам на нас нападать? Ну, не смеши ты бабку торчком! - после секундного ступора пренебрежительно протянул Рыкуй. - Купец теперь на воду дует, чтобы еще раз на молоке не обжечься. Увидел чужаков и в порты напустил. Любославу напугал, тебя настрашал, а сам из Вирова прочь подался. К тому же стены вокруг подворья высокие, ворота крепкие, а в тереме можно долгую осаду выдержать! Что нам те урманы?!

Я с неудовольствием отметил, что на наш спор стали обращать внимание. Мелькающая по территории дворя нет-нет да и замедляла шаги, чтобы погреть уши, некоторые так и вовсе остановились, глядя на нас с неподдельным увлечением. Вон и отдыхающая смена в лице Невула с Жилой глазки подрала, на солнышко выползла. Что характерно, подчиненные мне долбоюноши поддержать командира не рвутся. С открытыми ртами наблюдают тихонько из за угла терема, ждут чем у нас закончится.

В принципе, с Рыкуем я согласен. Ограда действительно добрая. Лучшая из всех, что я видел в Вирове. Из трехметровых заостренных бревен, похожих на хорошо заточенные ги-

гантские карандаши. В землю врыты, между собой веревками связаны, изнутри длинными жердями скреплены. Перелезть такой частокол с наскока не получится, расшатать без танка или бульдозера тоже не выйдет. С воротами такая же засада. Без путного тарана хрен их развалить - слишком ладные и толстые. Ну и сам теремок хлипким не выглядит. По верхам два пулемета, по «калашу» у каждого окошка, гранат пару ящиков и лучше опорника не сыскать. При бесконечном бк тут можно дивизию урманов покрошить. Двор, правда, из за обилия хозяйственных построек насквозь весь не простреливается, но кому сейчас легко?

Что-то меня не в ту степь занесло. Ладно, Андрюша, надо продолжать вразумлять заблудшую паству.

- Ты когда-нибудь видел лестницу, Шепет? Знаешь же что это такое? Ее очень удобно к стене приставлять, чтобы наверх карабкаться. Еще удобнее было треснуть Рыкуя по голове, когда ты ему ворота крепкие отворял да и зайти без всякого шума внутрь, попутно тебе во второй глаз пику вонзив. Почему я вам простые вещи объяснять должен? Кто из нас в дружине полоцкой службу тянул?

Говорил я негромко, но внятно, с назидательным нажимом.

- В общем, давайте так: плату за вчерашний день вы не получите, так как нарушили уговор охранять терем до возвращения Бура с его людьми, а я вас запалил. За предыдущие два ничего не скажу - не пойман - не вор. Вы потеряли

хватку, мужики. Если дальше так пойдет, мы с вами не справляемся.

- Уговор у нас не с тобой, а с Любославой, - недовольно буркнул Шепет.

- Серебро вам плачу я из собственной мошны, Любослава только кормит. Не думаю, что она в силах повлиять на решение боярского десятника.

- Десятника? - делано удивился Рыкуй. - Без десятка и без оружия?

- И без боярина, - ехидно вставил одноглазый.

- Тебя любой холоп голыми руками заберет. Да и с оружием ты каждому дружинному отроку на один зубок, - вторил приятелю однорукий с не менее ехидной миной.

Я с тоской помянул оставленный в келье пояс с оружием и понял, что выгляжу сейчас более чем нелепо, про устав людям задвигаю. Если бы незнакомый пузатенький генерал в спортивном костюме подошел к кучке курящих «дедов» у казармы и начал требовать дисциплины? Куда бы этот генерал через секунду отправился? Не факт, что дошел бы, но суть легко уловима. На нем же не написано, что он самый умный, золотой погон ко лбу не пришит. Без знаков различия и личного оружия все равны. Как в бане.

Однако, обидно про холопа с голыми руками. Выходит они меня совсем никчемным считают, раз так подковырнуть решили.

- Любой холоп руками, говоришь? Может ты сам попро-

буешь?

- Нам зазорно. Мы не холопы и не огнищане, у нас оружие всегда при себе.

Оскалившись, Шепет выразительно похлопал по стареньким ножнам с мечом на левом боку. Намек понятен. Мне только-только начавшему осваивать азы рубки, действительно, против любого мало-мальски опытного бойца не сдюжить как ни крутись.

Ну что за народ!? Холоп совсем не человек что ли? Я окинул взором четверку мужичков, что с напряженным удовольствием внимали нашему диспуту, столпившись неподалеку. Нормальные с виду дядьки, абсолютно пролетарско-крестьянской наружности. Росту среднего, в немарких, но уже изрядно потертых, не единожды латаных рубахах, с коричневыми от загара мордами, поросшими сальным, кудлатым волосьем, с жилистыми, привыкшими к нелегкому труду грабками. Взгляд у всех четверых сметливый, ни разу не робкий. Работяги-универсалы. Конюхи, плотники, кузнецы и так далее. Ценные, между прочим, кадры на любом подворье. Не всем же с мечами да топорами по свету белому гарцевать.

Нет, холопом быть мне не по масти, не мое это на дядю за еду впахивать и плетей за нерасторопность получать. И за холопский счет самоутверждаться также не буду. Не велика доблесть раба отвалтузить, не мой это метод. Сам кашу заварил, самому теперь и хлебать. Придется доказывать, что десятник я не просто так и даже безоружный могу за себя

постоять.

Коротким кивком я подозвал своих парней, топтавшихся неподалеку. Они, как мне показалось, подскочили ко мне с излишней после рваной ночи бодростью.

- Жила, сбегай-ка, братец, до дулебов. На торге уже, небось, ошиваются. Скажи, чтоб все бросили и двигали сюда. Передай, что я зову. Дельце у меня к ним. Давай, одна нога здесь, другая через десять ми... - эх, как же я задолбался подбирать понятные для окружающих слова! - Другая тоже здесь. Лети, голубь, не споткнись!

Проводивший приятеля Невул не стал запирасть за убежавшим Жилой ворота, вернулся к нам.

Странно все это. Не знаю как в Риме, а в Древней Греции, кажись, ребята на кулаках будь здоров молотились. Состязались, значит, кто из кого больше дури выбьет. Кулачный бой, как олимпийская дисциплина оттуда же пошел, если не путаю. У греков было, а у русских нет? Холопам можно, а профессиональным воинам зазорно по харям друг другу хвостать? Зайду-ка с другой стороны, шибко интересно мне стало как так может быть.

- А вот, положим, Шепет, сломался у тебя в бою клинок, чем биться станешь?

- Другой подберу, в битве под ногами чего только не валяется, - степенно ответил одноглазый.

- Другой тоже лопнул, нож сломался, щит развалился. Просто представь, что и враг свое оружие потерял или вы-

ронил. Тогда как?

- Как? В ухо ему тресну.

- Кулаком?

- Кулаком, не ногой же. Мы с Рыкуем в Полоцке за княжью дружину на праздники в стенке с городскими да посадскими лупились. Знаем как из носов руду пускать, коли ты об этом.

Выходит, все же есть в это время на Руси кулачные бои. Стенка на стенку - старинная русская забава, я в каком-то кино видел. Получается на праздники можно, а в обычные дни гордость воинская не велит. Вот такая чудная традиция.

- Ну что, братва, много народу облапошили? - поинтересовался я у прибывших дулебов, едва они запыхавшиеся от быстрой ходьбы столпились возле приземистой коробки амбара. Восемь рыл. Одежка на всех справная, получше той, что я на них раньше замечал. Приоделись парни на ниве жульничества, не без моей помощи, кстати. По именам помню только троих, тех, с кем распивал хмельное в корчме на пристани. Мне хватит.

- Не много. Людишки больше не хотят горошину отгадывать. Молва про нас дурное носит, - пожаловался Липан и широко развел руками, будто извиняясь. Затем полез лапой в мешочек на боку, извлек горсточку монет. - Твоя доля, Стяр.

Действительно, не густо. Ну, это и должно было произойти. Городишко с гулькин клюв, местные, кто сильно хотел, уже испробовали замануху, а на заезжих расчет не велик.

- Ну и хрен с ними! Сворачивайте лавочку, что-нибудь другое придумаем, - я передал деньги Невулу и ободряюще хлопнул предводителя рыночных жуликов по плечу. - Начнем, пожалуй, с хорошей драки. Ноздря, ты вроде бы, у нас любитель кулаками помахать?

Здоровяк дулеб показал на редкость белые, здоровые как у молодого верблюда зубы. Отчего-то голова Ноздри напоминала мне баскетбольный мяч с приделанной к нему картофелиной носа с большим отверстием для втягивания воздуха, двумя пельменями вместо губ, недозрелыми смородинками глаз, редкой порослью на темени и клочковатой шерстью на скошенном подбородке. Почесал Ноздря репу, соображая чего я от него хочу да и выдал хвастливо:

- Ага, валю с ног любого! - и лукаво так покосился на предводителя, который с задумчивым видом потрогал языком щель в зубах. Липану да не знать, что я не тот любой.

Я криво ухмыльнулся. Отступать некуда. Ноздря мальчиша крупенький - кулаки с арбуз, к тому же пацанчик неизвестного мне уровня владения рукопашным боем. Собственно, я вообще понятия не имел как здесь дерутся голыми руками когда один на один, а не толпой в месиве из двадцати рук. Вдруг они все тут сплошные чакноррисы и брюсыли? Если он меня отлупит, это будет форменный позор на все джунгли и болезненный пинок по моему боксерскому самолюбию, не говоря об авторитете, что мгновенно утечет под плинтус. В моей прошлой стычке с дулебами на торге Нозд-

ря не участвовал, я бы его запомнил. Тогда мне откровенно повезло. С поддержкой такого бомбилы у Липана с дружкой могло получиться нечто более дельное.

Я состроил невинную мину, и улыбнулся на сей раз как можно приятнее.

- Подерешься со мной на кулаках, Ноздря? В полную силу, как ты умеешь.

- Не зашибу? - приглушено засомневался дулеб, не догадавшись спрятать озорно взблеснувшие глазенки.

- Зашибешь - награду получишь. Дольку с горошины свою тебе отдам. Идет?

- Иде-ет! - расплылся в плотоядной гримасе дулеб, видимо уже прикидывая как ему половчее потратить неминуемый доход.

- Десятник, ты бы поостерегся, у тебя же нет запасной головы? - произнес Рыкуй, когда засек наши приготовления. - Зачем тебе драться с этим боровом?

- Покажу, что разносторонне развитый боец не только топором или копьем способен одолеть противника.

Не стану же я всем рассказывать, что придумал это для себя любимого. Мне в первую себе доказать надо, потом дулебам, пацанам моим, что не «громом из руки» единым жив Андрюха Старцев.

Место для поединка выбрали за той стеной амбара, что обращена к частоколу. Тут почти всегда тень, трава не только жирует да и подкашивают ее тут мужички как и повсе-

местно на подворье, вдобавок куры с козами щиплют, когда доберутся.

Увязавшихся за нами холопов шугнули, допущенные к спектаклю зрители рассредоточились, освободив достаточно места для схватки. Дулеб снял пояс с ножом, отдал кому-то из своих, вытер потные ладони о полы свободно свисающей рубахи. Мы с ним разошлись на десять шагов как дуэлянты перед выстрелом.

- Ну, Ноздря, давай помахаемся. Бьемся, пока один из нас не упадет и не сможет подняться. Лежачего не бьем. Все понял?

Ноздря кивнул, набычился, сжал пудовые кулачищи и попер на меня как бизон на суслика. С согнутыми на уровне бедер руками. Я стоял на месте, ждал первого удара. Хлопнул рукав рубахи, пущенный наотмашь кулак просвистел мимо моего лба, Ноздря тут же размашисто рубанул с левой, но все с тем же плачевным результатом, промазал то бишь. Мне даже стойку принимать не пришлось, от подобных выпадов без труда уклонился бы и обладатель третьего юношеского, не говоря уж о кандидате в мастера. С манерой ведения местного махача мне сразу все стало ясно. Защита на нуле. Разухабистые удары «из за уха» с желанием непременно угодить противнику в орган слуха или на худой конец своротить на бок пятак. Способ может быть и неплохой для деревенских олухов, но в плане ущерба здоровью ровного пацана Андрюхи Старцева, истоптавшего не один десяток рингов, катего-

рически непригодный.

Приняв классическую стойку, я пропустил над плечом очередной молодецкий мах и включил ноги. Я кружил и уклонялся, играл плечами, кидал обманки, короче, резвился на все деньги. Ноздря с каждой секундой все больше свирепел, обиженный тем, что никак не может в меня попасть, а я его еще даже ни разу не приложил, хотя уже давно мог потушить ему свет. Дулеб сопел, потел и топал как бронтозавр, все так же бесплодно выбрасывая в воздух могучие удары. Подставить под такой удар голову означало неминуемый сотряс или чего похуже. Через несколько минут мне стало его жаль. Зачем дальше мучить парня? Видно же, что не достанет он меня если я не остановлюсь и не сделаю руки по швам. Так что подсел я под бьющую руку, впечатал в желудок левую, тут же выпрямившись, добавил классический усыпляющий правый крюк в основание челюсти. В подтверждение закона о всемирном тяготении, Ноздря, хрюкнул и под всеобщее изумленное молчание хлопнулся на землю как то яблоко на башку Ньютона.

- Ты, никак, убил его? - всполошился Липан, с беспокойством поглядывая на спящее тело.

- Не, кость крепкая, сейчас очухается. Плесните на него водички и подходите все ко мне, разговор до вас есть.

Глава вторая

Переговоры с дулебами неожиданностей не преподнесли. Все как один, не считая двоих ухарей, что находились в краткосрочной отлучке по своим жуликовским делишкам и плохо соображающего после нокаута Ноздри, истово согласились временно поступить под мое непосредственное начальство. Я вкратце обрисовал парням в чем будет заключаться их служба и обозначил плату. Неплохую, между прочим. На одно лицо за сутки нахождения на боярском подворье посулил пять дирхемов. Из личного кармана. Напрягать Любославу пустяковым вопросом - жлобство. Серебра у меня пока что навалом, мне его и девать-то особо некуда. Коня прикупить? Так я в седле держусь как кот на заборе. Домушку с кабанчиком? Зачем он мне? В Вирове задерживаться дольше грядущей осени, когда Бур обещал отпустить меня в Полоцк я не собирался, так же как и чахнуть над златом как воспетый Пушкиным скупой рыцарь. Пустое занятие. Бабло должно приносить пользу.

- Научишь? - дурная муть из глаз Ноздри выветрилась не прошло и четверти часа после отключки. Мокрые от колодезной воды патлы облепили лоб и щеки, темнеющая влагой рубаша пристала к широкой груди. Пунцовая отметка на челюсти ясно указывала место прилета моего кулака. Нормальный пацан, поражение перенес стоически как и подобает настоящему спортсмену.

- Легко! - отозвался я. - Всех могу научить, было бы желание учиться. Вот тебе утешительный приз за участие, братишка.

Я тут же попросил Невула выделить Ноздре два серебряных дирхема из принесенной Липаном доли. Ноздря схоронил серебряки в огромном кулаке и благодарно засопел, благополучно позабыв, что совсем недавно переоценил свои боксерские возможности и был деклассирован по всем правилам бойцовской науки.

Денек разгорался, становилось жарко и душно. Я начал оглядывать заживший обычной средневековой бытовухой боярский двор. - А где Одинец? Дрыхнет до сих пор?

- В город ушел, - подсказал Невул.

- Когда успел? Я его с утра не видел.

- Ночью, сразу после того как мы с Жилой его сменили.

- Сказал зачем уходит?

- Не сказал.

Ладно. Этот, хотя бы не во время собственного караула свинтил как некоторые. Может бабенку какую успел обворожить, дело-то молодое, горячее. Я вспомнил минувшую ночь, нежное лицо Младины и на душе неожиданно потеплело. Вот еще не дело! Я сплюнул с досады, велел всем далеко не отходить и направил свои стопы в сторону почетных инвалидов, по совместительству - нарушителей устава караульной службы. Пока я тер с Липаном и остальными, они оставались на месте показательного поединка за амбаром и

что-то оживленно вполголоса обсуждали. Заметив мое приближение, замолчали, но глядели приветливо.

- Ну, что скажете, отцы? - вкрадчиво полюбопытствовал я, сложив на груди руки. Если и сейчас будут рожи кривить - прогоню обоих к чертовой матери!

- Скажу, что никогда прежде не видел, чтобы так ловко на кулаках бились. Тебе, десятник, с твоей сноровкой цены в стенке не будет, - одобрительно отозвался Рыкуй.

- Сдается мне, таких как этот увалень ты бы троих зараз опрокинул, - хмыкнул Шепет с нескрываемым уважением.

Ну, троих - не троих, а уже десятник. Это хорошо. Проняло, значит. Бокс - одно из самых совершенных боевых искусств, это вам не топором размахивать направо-налево. Покоробило, правда, что опустил Рыкуй мои умения опять же в разряд необязательных забав, свел к причуде отдельно взятого индивида. Все еще считает, что в настоящем бою рукопашка штука бесполезная.

Я не поленился напомнить калекам, что спор они проиграли вчистую и теперь должны относиться к своим обязанностям без прохладцы и с повышенным рвением. К своему удовлетворению, я остался понятым, а посему с легким сердцем отпустил Рыкуя с Шепетом на незаслуженный отдых аж до самого полудня. Позже с ними потолкую, пока же мне предстоит определиться с пополнением: познакомиться, узнать кто что умеет, устроить на постой, нарезать задачи, распределить обязанности. Уйма дел, короче.

Воодушевленный я погреб по щедро унавоженной курями да кониками, выщипанной козами зеленке подворья в направлении Липана сотоварищи. Взглянул со стороны на свое неказистое воинство и загрустил. В той жизни мордатые, коротко постриженные ребяташки из моей бригады одним своим видом могли распугать целый рынок. Без кастетов и огнестрела. Реально. А здесь у меня под рукой толпа тощих оборотов. Отара облезлая, а не десяток. Хиляки-разрядники, ей богу! Из когорты доходяг выделялись лишь мясистый Липан да крутоплечий Ноздря. Оружие неплохое только у Жилы с Невулом. У этих двоих, как я прекрасно знал, имелось в закромах еще и кое что из защитной амуниции, типа кольчужных рубах, что сдохлых урманов на озере поснимали. На дулебах кроме обязательных к ношению ножей различной длины не было при себе ничегошеньки. Тогда я и задумал замутить некое подобие строевого смотра. В укороченном варианте без докладов, воинских приветствий и шагистики по плацу. Гранит с комроты устраивали такие смотры перед каждым выходом нашей группы на задание, дабы своими глазами убедиться, что отряд не останется без средств наблюдения и связи, никто из бойцов не забыл взять с собой сухпай, ИПП, положенное количество гранат, бк к автоматам и пулеметам, сами автоматы и пулеметы, дополнительные патроны в пачках или россыпью, нож, ложку, котелок, питьевую воду и так далее по списку.

Жила метнулся в терем и приволок мой пояс с сумкой,

мечом и кортиком. Приладив имущество на положенное ему место, я сразу почувствовал себя увереннее.

Выстроил я личный состав в ниточку вдоль затененной боковой стены терема, где до сир пор веяло утренней прохладой. Несколько минут потратил на выравнивание по росту. Лично мне куда приятнее лицезреть правильную шеренгу, когда правофланговой колокольной торчит Невул, за ним Липан с Ноздрей, а в конце сразу за Жилой изнывает без дела наш доморощенный катала-наперсточник Шишак. Я попросил, чтобы каждый из них выложил на землю перед собой весь хабар, что касался несения военной службы, от личного оружия до кожаных фляжек.

Повинуясь необычному распоряжению, парни ссыпали с себя небогатый арсенал и замерли в тревожном ожидании. На бесхитростных лицах рыночной шпаны угадывалось затаенное любопытство.

Встал я напротив центра шеренги, намереваясь толкнуть вводную речугу да так на вдохе и окаменел. Из живота вдруг поднялась волна ледяного холода, разлилась по грудным жилам, сковала спазмом горло будто клещами. Появилось довольно ощутимое покалывание в подушечках пальцев совсем как тогда, перед прибытием в деревушку Родима. Выстрелил адреналин, должно быть. Вздрыбившиеся волоски на предплечьях и загривке - тому весомое подтверждение. В тот раз предчувствие опасности оказалось верным - у Родима нас поджидал Серый Эмунд со своими головорезами. Нам

бы послушаться вещего шепота да не переться в весь, а за-
тихариться где-нибудь укромненько, разведку пустить. Гля-
дишь и Головач не полег бы в схватке с Серым. Но моей фан-
тазии хватило лишь на спрятать прямо у дороги добытое се-
ребро и Буру с Завидом я о своих пророческих испугах не
поведал. Как показали дальнейшие события - напрасно.

Я наконец-то смог сглотнуть, кашлянул, вдохнул во весь
объем легких, с шумом выдохнул переработанный воздух,
чувствуя как проходит наваждение.

Что это, вашу мать, было?!

Безмолвный крик-вопрос ожидаемо остался без ответа.

Что за нахрен!? Это что бонус такой вдобавок к перене-
сению в лохматую древность? Типа об опасности предупре-
ждает. Писали, будто некоторые собаки чуют скорое земле-
трясение, беспокоиться начинают, вертеться, выть и лаять,
места себе не могут найти. Таких чувствительных псинок
различных пород берут на службу ученые, пытаются с по-
мощью животных предсказывать катаклизмы, но получает-
ся у них не очень, потому как собачки, вроде как, только
незадолго перед самым событием что-то чуют умудряются.
На какую либо серьезную подготовку к землетрясению или
сходу лавины времени остается слишком мало. Хорошо, ко-
ли проснулся во мне неожиданный талант своей пятой точкой
опасность прогнозировать. Я не против. Гораздо хуже, если
необъяснимые приступы страха - плод какой-то дурацкой,
неизлечимой психической болезни. Нервишки пошаливать

начали? По схожим признакам поведения тех же собак если они излишне трусливы, шугаются любого резкого движения или звука спецы напрочь отбраковывают и не допускают до службы.

Из двух «приступов» первый дал мне в руки пусть не большой, но козырь. Понадеюсь, что и в этот раз астрал, космос или кто там еще желает мне сообщить некое предупреждение, чтобы был я как пионер всегда готов к осложнениям.

Стоял я повернутый обросшим густой щетиной фейсом к шеренге минуты три, всю эту фигню через мозг прогонял и сильно огорчился. А кто бы не огорчился, прокачав, что на него надвигается крупная, заряженная дерьмом, плохо пахнущая задница и неизвестно когда она окончательно надвинется?

Ко мне, не выдержав, подбежал Жила, заглянул в обезображенное кисляком лицо.

- Батька, с тобой все хорошо?

- Все просто великолепно, братуха! - излишне оптимистичным тоном ответил я, силясь унять взыгравшую тревогу. - Вернись в строй!

Произносить какие-то слова перед строем расхотелось. А чего тут говорить? Вооружать парней следует. Одними ножиками и тремя деревянными дубинками, что выложили перед собой дулебы, много не навоюешь, да и видок у всех никак на звание дружинника, пусть и временного, совсем не тянет.

Ключи от до подвала и выделенного нам сундука я изъял у Рыкуя сразу после того как мы с моими пацанами снесли туда свои сокровища. Нечего кому ни попадя там шариться. У бабки ключницы от той двери имелся дубликат, так что не пропадет бойкая старушка.

Нащупав в сумке шнурок с кованым ключом с единственной примитивной бородкой на толстом металлическом пруте, я бодро воззвал:

- За мной, бойцы!

Где-то через час я заново застроил взвод на прежнем месте и заставил повторить манипуляции с личным оружием и прочим снаряжением. Вот теперь другое дело! Еще бы, боярскую «оружейку» мы выгребли подчистую. Забрали все имеющиеся там мечи в количестве трех единиц, боевые топоры, помятые и потертые шлемы, четыре латанные-перелатанные кольчужки, десяток крепких копий и несколько круглых щитов. Счистить с арсенала прилипшую за время хранения ржавчину, протереть маслицем, заточить, немного подогнуть и будет чем встретить урманов.

Стоп! Откуда такая уверенность, что нам все же предстоит повоевать? Неужели несколько слов купца породили во мне маниакальную фобию или то мимолетное наваждение постаралось? Урманы ведь под Шибам ходят, а сам Шибай давно не отсвечивает, в тину ушел как сорвавшийся с крючка опытный карась. Да хрен с ними, предупрежден, значит - вооружен, а оружия теперь на нас как на бомже насекомых.

Урманы там или не урманы нам все едино.

- Вот ещё что, - начальственным тоном я приостановил восторги по поводу на халяву полученного оружия. - Если замечу у кого отсутствие при себе бурдючка с водой или найду у кого не полный - сделаю больно!

Уж не знаю в который раз за сегодня мой душевный подъем рухнул из за полученного известия, что боевого опыта у нас на всех с мышкин коготь. Со слов Липана никто из его приятелей ранее серьезно в схватках не участвовал. Профиль не тот. Втюхать на рынке какому-нибудь разине товар не надлежащего качества, по балде исподтишка стукнуть в переулке, пьяного у корчмы принять это да. А вот рубиться на мечах и топорах ни с кем не приходилось да не очень-то и хотелось. Большинство из дулебов боевое оружие впервые в лапы взяли.

Вопрос не стоял бы так остро, имей я сам хотя бы отдаленное понятие о тактике ведения встречного массового боя на холодном оружии. В голову пришел единственный вариант - бей-беги толпа на толпу, но что-то мне подсказывало: не все так просто, особенно в нашем случае. Те урманы, что я успел повидать, были настоящими, матерыми бойцами с многолетним опытом убийства себе подобных за плечами. Сковильд, Бранд, Серый Эмунд мертвы, но остался еще Харан с бандой отморозков. Незначительным численным перевесом при отсутствии должных навыков фехтования и пистолета нам их не остановить. Придется мне к ветеранам на консультацию

напрашиваться, вдруг чего дельного подскажут.

По закоренелой, еще армейской привычке содержать личное оружие в чистоте и порядке я дал задание Жиле надывать для этих целей у дворовых мужичков промасленной ветоши и найти того, кто сможет проверить и поправить заточку режущих кромок. Если что-то сломано, помято или на соплях висит - отдать на починку кузнецу. Разберутся, не маленькие. Сам пошел к Любославе с докладом и просьбой выделить помещение для временного обитания пополнения и постановке на довольствие. Затраты на продукты я собирался покрыть за счет собственных средств, ибо неизвестно как отнесется «поплывшая» от горя вдова к подобному прошению.

Боярыня приняла меня все в тех же больших покоях, где ее усопший супруг изволил пировать да встречать гостей и ходоков. Никакого трона или большого кресла с которого хозяин округа мог бы общаться с жителями я не заметил. Несколько лавок у стен с распыленными шкурами медведей, оленей и других рысей, ничем не покрытые скобленные половицы, длинный трапезный стол посередине, вот и все небогатое убранство горницы.

Немного оклемавшаяся от горестных событий Любослава спокойно и милостиво меня выслушала и без всяких оговорок дала добро на любые мои начинания в сфере обеспечения безопасности обитателей терема. Полный карт бланш, как говорят храбрые гасконцы и остальные французы. До-

вольно потирая клешни, я покинул боярскую резиденцию, даже не высказав боярыне негатива за ночной фокус с Младиной.

Ровно в полдень солнышко кокетливо занавесилось кустистой облачной пеленой и засветило в пол-накала. Сразу стало легче дышать, а то от жары уже плохо соображала башка. Пузо недовольно урчало, требуя сатисфакции, но я решил, что обед еще немного подождет, задобрив утробу несколькими глотками парного молока из поднесенной одной из девок деревянной посуды и двинул к воротам встречать Шепета с Рыкуем.

Опоздали они всего на одну минуту. Простительно, часов как у меня у них ведь нет.

Втроем мы устроились на топчанах в просторной бревенчатой постройке, отведенной теремной охране для ночлега. Усиленно фильтруя базар, чтобы не вызвать недопонимания чуждыми этой эпохе словечками, я попросил Шепета с Рыкуем помочь мне сляпать из группы прибывших товарищей боевой коллектив.

- Из этих что ли? - прозорливый Шепет мотнул гривой в сторону дулебов, неумело чистящих на дворе свои железяки и насмешливо оскалился. - Ты бы еще огнищан окрестных исполнил.

- Надо будет и огнищан и холопов вооружу до кучи. Тревожно мне, понимаете? Беду я чую.

Я поочередно заглянул в глаза бывалым воякам, но ника-

кого отклика в них не сыскал.

- Да никто сюда не сунется, - вяло отмахнулся культей Рыкуй. - Чтобы целый город на копье взять рать нужна большая. Большое войско незамеченным сюда не подойдет - князь Рогволд сразу узнает, что кто-то по его землям шастает. В Вирове поэтому и стены общей нету, мирно тут всегда жили.

Я и сам обращал внимание на сей казус. Слово «город» произошло ведь от «ограда», значит не просто десяток домишек посреди леса торчит, а обнесенное крепкой стеной поселение, в которое не всякого впустят. Виров в этом плане может похвастаться лишь частоколом вокруг боярского подворья и еще парочкой заборов пожиже у наиболее состоятельных жителей, таких как купец Бадай.

- Не о городе говорю в целом, а о тереме боярском, - продолжал я гнуть свое. - А ну как они сразу сюда пожалуют?

- Выкинь ты из головы Бадаевы речи, кому мы тут нужны? Три - четыре дня пройдет и вернется Бур с людьми, станет все как прежде.

- Не станет, - я покачал головой и выложил последний аргумент: - мне знак был.

- Какой еще знак?

- Свыше, - я многозначительно поднял глаза к небу, подпустил в голос театральной таинственности. - Предупреждение боги послали.

Они переглянулись. Помолчали. Затем Шепет осторожно огладил бороду, произнес:

- Слыхали мы про тебя, что колдун ты потомственный. Выходит, так это, не врут люди?

- Не так. Какой из меня колдун? Тем более потомственный. Обычный я человек, да и местный вроде как. Дрята отцом моим был. Помните такого?

Рожи бывших дружинников удлинились. Видимо, мне удалось их сильно удивить своим «признанием».

- Ты Дрятин сын? - вернув отвисшую челюсть на положенное ей место, проговорил Шепет. - Почему сразу не сказал?

- Так я и сам не знал. Вернее - забыл, - я постучал костяшками пальцев себя по черепу, напоминая про свою «амнезию». - Головач сказал, что похож я на Дряту как две шишки с одной ветки. Даже родичем назвал. Посмеялся, наверно, но тем не менее.

Отставные дружинники снова переглянулись, на сей уже более многозначительно, затем минут пять молча всматривались в мое лицо, должно быть отыскивая подтверждение слов Головача.

- Я тоже родителя своего не помню. Не часто он семью навещал, все бродил где-то, а когда появлялся, то не один, а с друзьями. Добычу приносил, вещи, серебра чуток. Пирыв доме закатывал на несколько дней, а потом опять пропадал. В последний раз ушел два с половиной десятка зим минуло. - Шепет задумчиво пожевал нижнюю губу, его единственный глаз подернулся пеленой воспоминаний. - Дрята также не из домоседов был.

Чтобы поддержать нужный настрой я состряпал заинтересованную рожу.

- Как он погиб знаете?

Шепет помолчал, собираясь с мыслями.

- Ватага урманская на дальних землях полоцких объявилась. Дюже злая. Две веси пограбили да сожгли, жителей побили, амбары выгребли, два с половиной десятка весян в полон забрали. Рогволд как узнал - рассвирепел, сказывают, будто дым у него из ноздрей повалил от гнева как у тура дикого, что у него на стяге изображен. Князь спешно велел рать собирать с ополчением вместе. Все бояре привели в Полоцк свои дружины, изготовились за два дня, выступили в поход. Пошли на лодиях сначала вниз по Двине, затем по той реке, на которой веси сожженные стояли. Пешцы из ополчения по берегу вдогон топали. Через седмицу наткнулись мы на стоянку тех напастников. Три полные сотни нас было, а тех шесть десятков на двух кораблях. Нас они сразу заметили, в стену на берегу встали. Мы с лодий попрыгали и в бой. Ополчение на другой стороне реки оказалось. Жарко мы бились. Никак не могли одолеть урманский хирд.

Шепет крикнул и почесал бровь над черной повязкой.

- Стена на стену - самое трудное дело. Так и колотились кто кого пережмет. Урманы опытные оказались, умелые. В круг встали, когда мы их со всех сторон обложили. Потом они берсерка выпустили. Лохматого, полуголового, дикого, с широким топором в лапах. Насилу его свалили. Он десяток

положить успел. Дряте шуйцу вместе со щитом срубил, а затем и голову. Дрята хороший воин был, лучше нас с Рыку-ем. Только против берсерка, что в безумии своем боли не чувствует, любому тяжело. Последним своим ударом Дрята безумцу горло мечом вспорол. Кровь хоть и не хлестала как у обычных людей, но прыть урман подрастерял. Тут мы его и подмяли сообща - вздели на копья и в воду скинули. Кто-то из княжьих лодию на тот берег отвел, подмогу из ополченцев привел. Засим и дожали врага. Главным у них оказался безземельный князь, ярл по-урмански. Бьонстар Колючая Спина. Рогволд ему наживо руки-ноги обрубил и велел привязать то, что осталось к елке высоко над рекой, дабы желающим озоровать на полоцких землях охоту сбить. Мы павших собирали, а подвешенный ярл все это время проклятия вопил по своему, пока всю руду из себя на землю не выпустил. М-да... весело там было, по ходу.

Я хмыкнул и живо представил висящий на дереве фрагмент человеческого скелета без конечностей, дочиста обглоданный куницами да вороньем и по спине поползли мурашки. Нормально так Рогволд наказал крысу, что засунула храповик в его закрома. С выдумкой. Бьонстар Колючая Спина. Ну и имечко. Затем перед внутренним взором возник образ озверевшего от употребления специфических грибов или чего они там хавают, волосатого дядьки с огромным топором в мозолистых руках и дикими, красными зенками, что в одиночку перебил уйму вооруженного народа, а сам все

никак не хотел умирать. Берсерк. Думал такие только в легендах да сагах скандинавских встречаются. Я те саги не читал, но где-то про них слышал.

В этот момент я рьяно пожалел, что не достаточно хорошо учил историю как в школе, так и в институте. Хотя, что там можно было почерпнуть сверх бегло повторенного общеобразовательного курса в первом семестре? Это же факультет физического воспитания в педу был, а не какой-нибудь историко-архивный. Вообще не мое оказалось. Педагогика, философия, психология и еще куча разных тем, к спорту отношения не имеющих. Хотел поначалу в профильный спортивный поступать, но показалось, что в педагогическом полегче будет, как-нибудь отучусь - тренером стану, буду детишкам любовь к здоровому образу жизни в боксерской секции прививать. После армии, как мать не уговаривала, не стал восстанавливаться, забрал документы, устроился на первую попавшуюся работу, потом к Фролу попал.

- А чего этот Бьорнстар в полоцких землях забыл? - спросил я, прикинув, что все скандинавы, вроде как, на другом конце Балтийского моря обитают и до владений русских им шлепать сильно далеко как по мне.

- Есть у урманских ярлов такая забава - в дальние походы ходить. На кораблях. Особливо у тех, у которых собственно-го надела и подвластных бондов не имеется, а корабли есть. Плохонькие, но есть.

- Борнстар был из таких?

- Да. Прежде, чем добить раненых, Рогволд устроил дознание. Они показали, что Колючая Спина таким образом хотел дойти до самого Царьграда. Мечтал там наняться в дружину самого кесаря. Рогволд с той поры урманов и других данов на дух не переносит.

- Что за Царьград?

- Огромная страна христиан на полдень отсюда. Всякий ромейский кесарь просто обожает брать в дружину урманов и свеев с данами, также привечает варягов. Ты совсем дикий, Стяр, про Царьград никогда не слышал?

- Говорю же - забыл я все, чего непонятного? - завел я старую пластинку.

- Да все непонятно, - коротко стрельнув взглядом, отметил Шепет.

Я поспешил вернуться к той давнишней бойне.

- Головач там был? Дрался с Бьорнстаром,

- Дрался лучше многих других. В общем строю стоял вместе с нами.

- Получается, дружина в стенке бьется, так же как в кулачном бою, что ли?

- Там - стенка, у дружины - стена. Разницу чувствуешь, десятник? - Шепет фыркнул и хитро изломил седеющую бровь. - Вот разбойники как нападают? Рваной гурьбой несутся, орут и свищут, друг дружке мешают. Плохо обученное ополчение того же поля ягода, только лихо свистать не умеют, дерутся каждый за себя. Ежели таких встречает правильно выстро-

енная стена - хлоп и нету!

- Кого нету?

- Тех, кто вразнобой нападал. Стена и супротив конницы, бывает, стоит твердо, ежели с длинными копьями и большими щитами. Это только со стороны кажется, что любой сброд можно в стену выстроить, где шуйца щитом соседа прикрывает, а десница врага рубит. На самом деле тут добрая выучка нужна, абы кого в стену не поставить, крепости не будет.

- А как быть тем, у кого шуйца вместо десницы?

- Ты про себя? А никак. Нету тебе места в стене. Неправильный ты. Двигаешься как настоящий воин, а клинком машешь как дите трехлетнее хворостиной. Твой удел - поединок. Трудись, учись бою, ухваткам, хитростям. Против левого любого трудно. Умение приходит с опытом, а опыт копится с каждой ошибкой. Переживешь несколько, дальше покатит как хорошо смазанное колесо.

Я поморщился, услышав нелестную оценку своих боевых способностей и поспешил вернуться к более насущной проблеме.

- Хочешь сказать - в открытый бой моим ребятам лучше не вступать?

- Я уже язык натер тебе это втолковывать.

- Что предлагаете?

- Ничего, - не раздумывая ответил Шепет и облизнул пересохшие губы. - На лисицу волчью шкуру не натянешь. Ты

пойми, вольный урман, варяг, свей, почитай, с самого рождения - воин. С ножа ест, копьем подтирается, топором бороду расчесывает. Если был тебе знак, что сюда придут воины полуночи, то попроси у богов подсказки как с ними справиться нашими силами, мы таких способов не ведаем.

- Я не думаю, что их больше одного десятка, - продолжил упираться я, хотя уже полностью въехал в эту голимую тему.

- Нам говорили, ты можешь убить человека, вызвав гром, а еще на хитрости придумчив разные. Канатом речку перетянуть надо догадаться! - хмыкнул Рыкуй.

- Кончился гром, - с сожалением пробормотал я, про себя отметив, что «старики» не наелись скормленной им легендой, еще и справки навели относительно деятельности настоящего Стяра. Вот интересно мне, что за добряк им все это поведал? И где черти таскают Одинца? Ясно мне одно - впрягаться за меня при серьезном кипише эти двое не очень-то намерены. Разбирайся, мол, сам, раз ты весь из себя такой крутой, наше дело - сторона.

Разберусь, не впервой. Тем паче, что мыслишка одна нарисовалась.

- Ладно, - я с силой хлопнул себя по ляжке, - может быть вы и правы, зря я на воду дую и знак свыше неверно истолковал. Тянем службу, ждем Бура с дружиной, но вы все же поучите моих людишек, время есть да и некому кроме вас вбить в них воинские премудрости. Я в долгу не останусь. Идет?

- Идет, - со вздохом нехотя ответил Рыкуй. - Поучим, коль больше некому.

Да куда вы денетесь!

Ноги снова вынесли меня на двор. Погода хмурилась, стало ощутимо прохладнее. На крыльце терема, держа за руку Тихоньку появилась Любослава. Окинула оценивающим взглядом двор. Завидев меня, шкет вырвался, всколыхнув мамкин подол и резво подбежал вплотную к моей персоне. На его боку болтались коротенькие ножны с торчащей из них рукоятью меча. При беге кончик ножен лупил по смятым в гармошку голенищам красных сапожек из мягкой кожи, пока Тихонька не догадался придержать оголовье рукояти.

- Смотри, Стяр, какой мне меч дядька Сом смастерил! - Пацан ловко вытянул хорошо отполированный клинок из белой древесины с коричневыми прожилками и взмахнул им, чуть не угодив затупленным острием мне в переносицу. - Матушка сказала, что пора мне учиться мечом владеть!

Боярыня с крыльца ласково глядела на чадо, улыбаясь уголками губ. Откуда-то выбежали трое сорванцов примерно Тихонькиного возраста, сгрудились рядом, завистливо поглядывая на деревянный мечик. Одежды на мальчиках попроще, чем на боярском отпрыске, но чистые и ухоженные. Вместо сапожек - вставленные в плетеные лапотки расшитые разноцветными нитями обмотки, а мечи им заменяли круглые палки. По ходу, сопляки эти - плоды скоротечной любви некоторых теремных девиц и по совместительству спар-

ринг-друзья маленького Тихоньки.

- Кто ж вас учить станет? - спросил я, понимая, что неуправляемая стайка недорослей может стать настоящей головной болью.

- Дядька Сом и будет, - важно произнес Тихонька, будто неведомый мне Сом являлся непревзойденным сенсеем или мастером международного класса.

- Тятка мой! - горделиво задрав острый подбородок воскликнул упитанный бутуз на полголовы выше других сорванцов.

- Здесь на подворье будете учиться или пойдете куда?

- Здесь, - протянул Тихонька. - Нам с подворья выходить не разрешают.

- Вот и хорошо, что не разрешают. За ворота ни ногой! Понятно?

- А что там такого? А? Скажи! - настороженно заголосила пацанва.

- Ничего такого, но если будете слушаться и хорошо учиться - я вам подарочки подарю.

Восторженно сияя глазенками, молодежь умчалась гонять палками юркого петуха, а я отозвал Липана в укромное местечко для приватной беседы.

- Сделаем так...

Дальше я рассказал дулебу, что, образно выражаясь, хотел бы иметь в городе свои глаза. Нужно приглядывать за домом Шибая. В прошлый раз скандинавских наемников боярский

брательник держал под боком в своей новостройке на окраине Вирова, если они снова объявились, то, вполне вероятно, квартируют у прежнего работодателя в его отсутствие. Нужно ходить по улочкам и примечать все, что может нести нам угрозу, о любых подозрительных движениях сообщать командованию, то есть лично мне или Шепету с Рыкуем.

- Шишака пошлю, - уловив суть, уверенно молвил Липан.
- И Сытку. Хватит двоих?

- Пока достаточно, - согласился я. - Прямо сейчас и отправляй, пусть до темна погуляют и возвращаются спать. Утром снова пойдут. Остальным подворье не покидать без моего распоряжения. Передвигаться только с оружием в руках. На воротах пусть все время стоят четверо. Чужих не впускать, холопов без сильной надобности не выпускать. Сам возьми Ноздрю, шлепайте сейчас с ним на торг к Светлу веревочнику, знаешь такого?

- Найдем, - сосредоточенно кивнул дулеб, поглаживая теснившийся под рубахой «беременный» животик.

- Возьмите у него четыре мотка веревки толщиной с мизинец и тащите сюда.

- А что с веревочником?

Я захлопал глазами на верзилу, боясь поверить в то, что сейчас услышал в его голосе.

- В смысле?

- Ну, он же не захочет просто так отдавать свое добро.

Ясен пень - не захочет. Но пока мы на боярской службе

беспределу бандитскому не бывать. А там поглядим...

- Веревку надо будет купить, Липан. Купить. Серебра я дам.

Глава третья

Попариться все же удалось. Пока я со своим десятком принимал пищу и отдыхал, усваивая калории, Шепет подсуетился и в связке с дворовым холопом по имени Козарь сварганил ядреный парок в приземистой, крохотной баньке на отшибе, где зараз умещалось не больше четырех человек, начиная от уровня груди и до дырки в потолке висел густой березовый дым, а каменная печурка светилась в полутьме красным, дьявольским светом.

Однорукий изверг Рыкуй охаживал меня веником, будто хотел, чтобы я легкие выкашлял. Потом сказал насмешливо, что это он еще легонько и, что слабоват я для настоящей бани, пара доброго не терплю как баба визгливая или как все колдуны. Тоже мне знаток! Как тут утерпишь, когда этот паразит каждые две минуты на каменку литр колодезной воды выплескивал! Жар был такой - ногтям больно.

- Вениками нас князь Рогволд хлестаться в бане обучил, - хвастался, отдуваясь, Рыкуй. - Надо же придумать такое!

- А раньше чем хлестались?

- Ничем. Соломой запаренной шкуры терли. Рогволд сказал, будто в березовых вениках таится сила, способная отвести многие хвори.

Знаем, знаем - бабуля моя то же самое говорила.

Опосля настигла меня настоящая нега. Завернувшись в простыню как римский аристократ в тогу, полулежа на топчане в сарайчике для боярской охраны, с красной, распаренной рожей я глушил ледяной квас, чувствуя себя новорожденным, разве что не агукал от удовольствия. На соседних лежбищах в позе размороженных кальмаров валялись Жила с Невулом, тоже сполна вкусившие прелестей виrowsкой баньки. Мы вяло обменивались впечатлениями от местного гостеприимства, затем разговор как-то сам по себе вырвался к вопросу куда мог запропасться Одинец.

Я предположил, что пацан просто-напросто свалил по-английски, забив на нас всех толстый болт, но Жила с Невулом в один голос выдали официальное опровержение, мол, не взял Одинец с собой ничего из того, что так удачно стяжал под моим началом и даже словом не обмолвился, что собирается рвать когти. Вся его доля серебра и трофеев осталась в хранилище под теремом. Железное железо, а не довод. Находясь в здравом уме никто из ныне здесь живущих так бы не поступил. Значит наш деятельный пострел нашел себе какое-то приключение и обязательно объявиться, чтобы получить порцию животворящих звездюлин. Предполагать, что с Одином случилось что-то нехорошее рано, с момента

его ухода прошло не так уж много времени. В ментовке бы даже заявление о пропаже человека не приняли.

Долго расслабляться нам не дали. Вернулись дулебы с приобретенными на торге веревками и начали выпытывать у меня куда бы их приспособить.

- Всему свое время! - философски изрек я. - Здесь пока положите. Сами найдите на подворье плотника, Сомом кличут. Пусть до темноты сварганит колышков обоюдоострых в локоть длиной, толщиной в три пальца. Полсотни штук.

Липан кивком указал Ноздре на ближний к ним угол помещения, первым сбросил поклажу с плеча. Хорошо, когда можно включить начальника, раздавай себе задания да на боку полеживай, но контрольные функции для руководящего состава никто не отменял, поэтому я допил квас, стащил с себя высохшую на теле простыню и стал одеваться.

- Для чего тебе веревы и колья, а, батька? - оживился Жила, когда отчалили дулебы.

Я покосился на вскочивших вслед за мной, разбирающих свою одежду парней. Отметил худосочность длинного невульского туловища. Явно не доедает оглобля, хоть и лопает не меньше остальных. Может его глисты поедом жрут или пища плохо усваивается?

- Хочу устроить нежданчик непрошеным гостям, - ответил я на Жилин вопрос.

- Как это?

Я почесал ногтями заросшую макушку. После банных

процедур, обработки тела волокнистой травяной мочалкой и мытья кумпола смесью загадочного мыльного корня вперемешку с золой и еще какой-то ерундой типа настоя крапивы я благоухал как стог подгнившего сена.

- Да есть одна затея. Не слишком умная, конечно, но другой я не придумал, хоть и не дурак. Скажи, Жила, как самый мудрый из всех Жил, как бы ты стал нападать на наше подворье, имея при себе не больше десятка людей?

- Ночью, через ограду, - поиграв черными бровями, уверенно молвил крепыш. - С разных сторон. Разом.

Именно так я и думал. Простенько и со вкусом. Перелезть с помощью подручных средств частокол, передавить потихому охранение, сосредоточиться и ломануть всей гурьбой на терем...

- Из тебя, Жила, вырастет великий... как там... воевода, во! Молодец, братан!

Польщенный похвалой коренастик довольно ощерил желтозубую пасть, засиял как утреннее солнышко.

- Почему ты называешь всех братанами, Стяр?

- Привычка такая. Все люди - братья, не знал что ли?

За поголовное родство не поручусь, но уверен, в раннем средневековье, где население всей планеты вряд ли дотягивает до сотни миллионов, так же как и в моем прежнем густонаселенном мире работает теория шести рукопожатий. А, принимая во внимание общую численность людей, может стать и меньше шести, не мастер я производить слож-

ные математические вычисления, доказывать не возьмусь.

- Но не все братья - люди! - произнес я заключительную часть известного изречения, чем на время вверх собеседников в занимательные раздумья.

К вечеру седая шаль облачной завесы отползла на юго-восток, малиновое солнце закатывалось при полнейшем штиле, под звонкий щебет острокрылых стрижей. Утомленные занятиями с Шепетом и Рыкуем, а также бдением у ворот боярского подворья воинство потянулось под навес к накрытому яствами общему столу уже наполовину занятому работными холопами. Любославины девицы вереницей подносили плошки и горшки полные снеди, глиняные склянки с питием, уносили порожнее. Встретившись со мной глазами, Младина резко отвернула голову, будто на сварку посмотрела и с пустым подносом поспешила обратно в терем. Опускаясь на лавку рядом с моложавым, дистрофичного вида дулебом по имени Высь, я проводил взглядом тонкий девичий стан, вздохнул и покачал головой.

- Чего вздыхаешь, десятник? - истово работая челюстями, проговорил дулеб, игнорируя присказку о возникающей у нормальных людей глухонемоте во время приема пищи.

- Ты, Васька, не болтай, давай лучше трескай от пуза, а то за копьём спрячешься, хрен тебя найдешь.

- Я - Выська, - ничуть не обидевшись, поправил дулеб.

- Да не суть. Хлеборезку пошире разевай, жуй-глотаи, пока не отняли. Вон, гляди как Липан с Ноздрей веслами кашу

загребают, мясцом заедают, только за ушами пищит.

Высь хихикнул и послушно переключил скорость передвижения ложки от миски к обросшему редким сивым волосом рту с третьей на пятую.

- Липан - мой дядька, - заметил Высь.

Блин, чего ж он такой худой? Невул рядом с ним покажется упитанным боровком, а уж Липан из шестерых таких сделан. Вспомнился анекдот про больничную палату дистрофиков, которых клопы за обои утаскивали. Я улыбнулся.

- Да неужели?

- Агась. Мамкин кровный брательник. Мы почти все с одного селения.

- Сюда вас Липан привел?

- На земли полоцкие нас Дражко притащил. Говорил, у людишек здешних от жира лишнего рожи трескаются да мошны от серебра лопаются.

Вот не сказал бы, что Виров богатый городок. По моим сведениям, славится он в основном бочками. Процветает здесь такой бизнес - тару деревянную изготавливать. Для внутренних нужд и на экспорт. Целые семейные артели под это дело заточены, даже наемных рабочих привлекают. Расползаются далеко окрест сделанные в Вирове шайки, бочонки, ведра, спросом пользуются немалым, но на таком товаре реально не подняться. Видел я этих бондарей и их жилища. Ничего особенного. Не бояре, если двумя словами. Однако же, тянет сюда мазуриков отовсюду как серых крыс на звуки

волшебной дудочки.

- А в ваших местах не так?

- В наших местах жира на всех не хватает. Как и серебра. А вот голодных деньков, когда кроме тертых желудей в живот ничего не набьешь, хоть отбавляй. Князя нашего мало заботили неурожайные года, ему дружину да челядь кормить нужно, тиуны его по весям за выходом приезжали исправно, амбары иной раз выгребали на три с половиной четвертины. Чтобы зверя в лесу добыть серебром князю платить нужно. А где ж нам серебро взять кроме как на проезжей дороге? Вот мы и подхватились с родной земли, лучшей доли искать.

- Хорошо там, где нас нет, - молвил я и впервые задумался над непреложной истиной этой фразы. Да я бы все, что есть бесплатно отдал, чтобы снова дома очутиться. Вместе с Сашкой, естественно. - А где теперь ваш Дражко?

- Липан убил. Было за что.

Выска как ни в чем не бывало громко разгрыз птичью косточку и захрумкал хрящами.

- Вон как? - удивился я и быстро зыркнул на сидящего за дальним концом стола Липана. В это самое время, не прерывая жевательного процесса, ражий предводитель дулебов молниеносным движением щипнул округлую филейную часть одной из проходивших за его спиной чернавок. Девка вспыхнула, засмушалась, ойкнула запоздало и одарила дулеба понимающим взглядом. Липан громогласно гыкнул, намекая всем, что у него появились планы на предстоящий ве-

чер.

А вот хрена тебе без масла! Вечером у тебя будут заботы совсем иного характера.

- Здесь ваши делишки боярин прикрывал? - понизив голос, вернулся я к познавательному разговору с болтливым собеседником.

- Головач поначалу нас поприжал, - зачавкал Высь, - Белоку руки переломал, хотел на кол усадить, потом с Липаном уговорились: мы за пределы торго не высовываемся, часть добычи ему приносим, а он жалобы на нас рассуждает по-своему.

Ясно. Не чурался боярин Головач коррупционной темы. По ходу власть имущие во все времена одинаковые. А боярин здесь в одно лицо за судью, прокурора, палача, полководца и рэкетира. Абсолютная власть, что называется.

- Жили где?

- У причалов в старом амбаре. Очаг соорудили, столы, лежаки. Нам хватало. Ежей с Такуном на бабах вировских подружились, к ним съехали примаками. Липан их с собой к тебе звать не стал. Надо кому-то товар на торге сторожить.

- Много осталось?

- Крохи, - отмахнулся Выська, поморщившись. - С тобой прибыльнее.

Дулэб заглянул мне в глаза и приоткрыл рот как птенец, ждущий от матери халявного червячка.

Ну конечно, прибыльнее. Где бы еще вы все так пожрали?

Я оглядел сидящих за столом хоть и успел проделать это уже с десяток раз пока болтал с Высем. Имена дулебов более-менее выучил, дворовых холопов мужского пола не до конца, но тоже скоро запомню. Я их почти всех в одном месте сейчас чуть ли не впервые вижу.

После обильного ужина вместо того, чтобы сразу же заняться распределением караульных смен среди бойцов, я упросил Любославу произвести вместе со мной обход хозяйственных построек. Удивилась, конечно, боярыня и так странно на меня поглядела своими оленьими глазами, что я решил - к бороде крошки смачные прилипли. Ее налитая грудь третьего размера отчетливо оттопырившая расшитую разноцветными нитками красивую рубаху, как спаренные пушечные ядра нацелилась мне в область желудка. И не скажешь, что двоих детей выкормила, форма - будьте-нате безо всяких бюстгальтеров. Я быстренько обмел ладонью поросль на лице, отряхнул без того чистые лапы. Поборов глупое смущение, по-военному кратко ввел Любославу в курс дела, дескать, хочу на ночь пристроить своих орлов по двое в дворовых сарайчиках и мастерских, где можно ночевать, чтоб не находились они всем гуртом в одном месте.

- Поступай как знаешь, десятник, - даже не дослушав мой гениальный план, выдала боярыня. Мне даже немного обидно стало. - Много про тебя говорят, но я полностью тебе доверяю.

Ого, обо мне уже сплетничать начали? Мы остановились

неподалеку от колодца, к матери тут же подбежал Тихонька, в десятый раз начал хвастать деревянным мечиком. Любослава окликнула одну из девок, велела увести пацана в дом.

- Надеюсь говорят только хорошее? - прикинулся я безвредной овечкой.

- Всякое. Никогда не думала, что услышу столько разного про одного и того же человека.

Дай-ка угадаю! Разбойный элемент с темным прошлым - раз, колдун - два, «стукнутый» на всю голову - три плюсом по мелочи все остальное, типа, «без мыла в доверие влезет» и странноватое, практически во всем поведение. Да я б такому типу не доверил и воды к своим устам поднести, не то, чтобы вот «полностью». Но не зря же Любослава свою холопку под меня подкладывала, ценится здесь, видимо, эдакое буйство красок. Слава ждет великая и все такое... слышали уже, не далее как сегодняшним утром.

- Тогда у меня последняя просьба, матушка боярыня.

Любослава слегка нахмурилась, явно ожидая чего-то необычного.

- Расскажи мне про Шибая.

Веки боярыни дрогнули. Она порывисто отвернула голову с собранными под платком расшитым мелким жемчугом по-войником волосами. Изящные колечки на височных подвесках сыпанули мелодичным звоном. Я почувствовал как тонкие пальцы подхватили мой правый локоть, боярыня сделала шаг в направлении теремного крыльца и сразу же загово-

рила ровным голосом, будто сказку Тихоньке рассказывала. Мне ничего не оставалось как проследовать заданным Любославой курсом, слегка склонив к ней голову с внимательным ухом, чтобы лучше слышать увлекательную историю средневековой жизни.

На два года младше Головача, Шибай всегда был беспутным, норовистым. К Рогволду братья по молодости вместе подались, когда тот, вокняжившись в Полоцке, через некоторое время стал добирать воинов в дружину. Шибай через пару лет вернулся, то ли не ко двору там пришелся, то ли натворил чего, никто точно не знает. А Головач с варяжским князем скорешился, стал полусотником, участвовал в нескольких военных походах, крепко ратился с либью, латгалами и земиголами, примучивал кого-то, заставлял платить Полоцку дань. В Виров Головач вернулся с красавицей женой Буrom тяжелой. С ними прибыли Рогволдов тиун и артель мастеровых. Плотники за лето срубили и поставили на месте старого отчего дома терем по новой моде, сладили хозяйственные постройки. Несколько дней Головач провел в отъезде с княжеским тиуном, метил боярскими печатями деревья на границах вотчинных земель. Своих земель. Прежнего посадника Головач назначил городским старостой и поместным тиуном, ответственным за учет собираемого в округе налога для князя. Тот помер года два назад.

По боярину Головачу тогда все незамужние девки да бабы сохли. Сильный, красивый, добрый. Волос буйный, щеки на

варяжский обычай не скоблит. Только любил он свою жинку без памяти, на других и взгляда не кидал, увез с дитем обратно в Полоцк, а через пять лет вернулся без нее, зато уже с двумя сынами. Померла боярыня от неизвестной болезни, знахари и волхвы ничего поделатъ не смогли, сгорела лучиной за неделю.

Устроил тогда боярин смотрины, невесту выбирал из местных долго и придирчиво как в той сказке, чтоб готовить сама умела, рукодельничать, за скотиной ходить да детей родить и воспитать на девок теремных не полагаясь. Ее выбрал. Любославу. На месте Головача я бы тоже ее выбрал, даже если бы скверно готовила.

Но до всей этой истории со смотринами к Любославе Шибай яйца подкатывал. Паскудник. Не люб был хоть наизнанку вывернись. Отцу на мнение чада наплевать, поначалу хотел насильно замуж за Шибая выдать да в последний момент пожалел девку. А она не боярства жаждала, с Головачем и в землянке - терем...

Сразу после свадьбы у Головача с Шибаем случился конфликт на неизвестной Любославе почве. Нет, до дуэли на мечах дело не дошло, но разосрались братишки по полной. Потом Шибай надолго пропал, а когда два года назад вернулся, Головач заперся с ним в тереме на пять дней. Выпили и съели они тогда вдвоём сколько работным за месяц не съесть. Короче, принял боярин бедового родственника под крыло, выделил землю под строительство дома, помогал во всем, в

долю по торговле взял. Дом Шибай построил небольшой, но крепкий, бабенку из смоленских за себя сосватал. Младшую дочь купца какого-то. Двое ребятишек у них было да померли оба во младенчестве. «Все равно моей будешь!» - шептал он украдкой при встречах с Любославой. В последний раз полгода назад. Любослава раньше над этими посулами смеялась, а тогда призадумалась, почуяла что-то, но мужу не говорила, боялась накликать беду.

Крыльцо у терема с двумя боковыми входами под двускатным навесом. Каждое бревнышко, каждая деревяшка, всякая ступенька и дощечка в большей или меньшей степени тронута резцом мастера. Обереги. Тут они везде. Клеймами на всех постройках и заборах, веревочками на запястьях и шеях обывателей, узорами на одежде, ленточками на плодовых деревьях и кустах, даже скотине положен свой оберег с заговором в пользу скотьего бога Велеса или Волоса кому как удобнее. Я поскреб пальцем теплую древесину подпирającego навес столбика и задумчиво посмотрел снизу вверх на одолевшую три ступеньки Любославу.

Печальная повесть из уст автора помогла разрозненным картам в моей голове сложиться в подобие правильного пасьянса. Серебро тут ни при чем. Ля фам и ее шерше. Встречаются на свете такие однолюбы, с маниакальной природой своей страсти. По головам идут к субъекту обожания. Страшные люди. Я был о Шибае лучшего мнения, если честно. Старый козел. А ведь пожалуйся Любослава вовремя му-

жу на Шибая, мы бы с Сашкой сюда, может и не попали во-
все.

Любослава встретила мой взгляд. Смотрела долго и спо-
койно, будто любовалась хорошей картиной. Потом тихо
произнесла:

- Благодарю тебя, Стяр. Благодарю за то, что... - замолчав,
Любослава отвела глаза, опустила голову.

- Предупреди, боярыня, свою дворню, чтобы ночью по
двору никто не шастал, - сказал я напоследок. - Всех преду-
преди. Опасно для жизни может быть.

Посланные Липаном в город Шишак и Сытка вернулись
с наступлением темноты и принесли первые добытые све-
дения. Но прежде чем снимать показания с наблюдателей,
я распорядился их накормить да кваску хмельного подать,
шутка ли - целый день на ногах без полноценной хавки.

- Урманов видел, - доложил Шишак, сыто рыгнув. Вдвоем
с Сыткой - крепким мужичком под тридцатку с умными гла-
зами и черными пушкинскими бакенбардами, они оккупи-
ровали мой лежак в наполненной сумраком теремной при-
стройке, но развалиться на нем по-барски себе не позволили
- сидели, оперев ноги в пол, прямо как на допросе.

Деятельный, похожий на обрызганного дихлофосом тара-
кана Шишак не знал куда деть свои цепкие как у маленькой
обезьянки ручонки, беспрестанно теребил и комкал в паль-
цах какую-то рваную тряпицу. Говорил он часто моргая, но
быстро и по делу. Трое чужих северян обитают на подворье

Шибая, самого хозяина на месте либо нет, либо в доме гасится. В город за это время выходил только один из троих. Я заставил Шишака дважды повторить описание внешности предполагаемого урмана, но не сопоставил устный портрет ни с кем из виденных мной у жилища Родима. Да я их и не разглядывал так, чтобы особые приметы запомнить, не до того было. Длинноволосые все да бородатые....

Сытка полностью подтвердил слова напарника. Видел, мол, такого дядьку на торге у рыбного прилавка. Купил тот корзину плотвы и свалил.

- Точно - чужой?

- Чужой. Мы городских всех знаем.

Не густо, но уже кое что. Теперь мы хотя бы в курсе, что урманы никуда из городишки не делись, тихо гнездятся в обители беглого боярского брата, а вот грызут ли они на наш счет ноготь - большой вопрос.

Стемнело настолько, что я решил - пора за дело! Кликнул свободную от караула братву, чтобы запалили факелы, притащили на двор колышки и веревки. Подвел всю ораву к внутренней стороне ограды, прицелился пальцем в куцую травку.

- Сюда втыкай! И сюда!

- Так? - зашипел Невул, блестя белками.

- Нет, подальше. Вяжи веревку. Тяни. Крепче! Вот так, хорошо. Жила, следующий кол втыкай сюда и вон туда. Давай еще веревку, Ноздря! Вяжи, натягивай. Растягивайте те-

перь там да колья не забудьте.

Будь у меня ящичек гранат на руках, я бы таких растяжек под забором понаставил - любой минер ладонь под козырек. Умею я это дело. Но имеем, то, что имеем. Тот, кто надумает в темноте спрыгнуть с ограды внутрь усадьбы, вероятностью в семьдесят процентов запнется о натянутую в траве веревочку, понаделает шума, а то и упадет. Упадет на заботливо воткнутые чуть впереди остренькие колышки. А там и мои ребятишки из ближайшего сарайчика подоспеют спросить: "Какого хрена вы тут, товарищ, падаете?!"

Где же, мать его засранца, Одинец?! Скоро сутки пройдут как его нет. Укол беспокойства породил гнев. Явится - башку откручу паразиту!

Наверное, час прошел как я увалился отдыхать все в той же каморке в тереме. Перед сном проверил все посты, еще раз провел инструктаж среди парней кому где сидеть и что делать при шухере. Так устал за день, думал - рухну и умру до рассвета. Но сон все не шел. Ворочался и злился. А потом и не до сна стало. Ночную тишину внутри теремной оградой порвал в клочья дикий вопль. Так орут только от боли, ну еще от страха.

Глава четвертая

Да что ж так орать-то!!! Всю усадьбу на ноги поднял. Почему ему никто глотку не заткнет?

Торопясь, в темноте я засунул ногу не в ту штанину. Чуть не шлепнулся на пол. Подхватил меч, пнул ногой дверь и убежал на крыльцо.

Первая моя догадка о том, что громко страдает на весь город кто-то из своих подтвердилась. Второе предположение, что это никто иной как Одинец - нет.

Дрожащий свет от одинокого факела выхватывал катающегося по земле конюха Чувыню. К моему приходу он уже не орал, а тихонько подвывал от боли. Заботливо воткнутый накануне в землю острый колышек перекочевал в организм конюха, насквозь пронзив жилистую ляжку в потрепанных временем штанах.

Возмущенное негодование вырвалось из меня одним емким словом:

- Блядь!

- Чего тарашитесь?! - прикрикнул подоспевший среди прочих любопытствующих Рыкуй на парочку офигевших дулебов, что первые с оружием в руках прибыли на место происшествия. - Вытаскивайте из него деревяшку, перевязывайте рану. Тут ничего страшного, мясо пробито, кость цела, Дохот травами присыпет, отварами отпоит, через седмицу конем скакать будет.

Притихшего от утешительного прогноза Чувыню обрабатывали прямо на земле. Вынули кол, помогли стащить заляпан-

ные порты. Кровь из него не фонтанировала, ибо повезло, никакой артерии на задело. Перевязали дырки в ноге его же, далеким от белоснежного цвета исподним. После всех положенных процедур пострадавшего подняли на ноги, точнее на ту из нижних конечностей, на которую он смог без боли опираться. Я подошел к нему поближе.

- Скажи мне, Чувья, ты действительно один такой дурак или все конюхи такие? Мне казалось ты понимаешь человеческую речь не хуже остальных. Тебе объясняли, что ночью ходить по двору нельзя?

- Объясняли, - гримасничая от боли выдохнул конюх.

- Так какого хрена тебя понесло куда-то?

- Приспичило. Квасу бродячего хлебнул вечером, думал добегу до ямы, а тут - вот... под оградой пришлось. Утречком бы я все убрал...

Ишь какой стеснительный холоп пошел. Я бы на его месте напорол в стойло да на коня свалил, мало ли чего там за прожитый день глупая животная слопать ухитрилась.

- А вы куда смотрели? - переключился я на дулебов Мерко и Филина. - Вы же вместе с ним в конюшне сидели, зачем выпустили?

- Так мы это... - заблеял Мерко, виновато тряхнув кучерявой шевелюрой, - заспали маненько...

Тьфу ты, баранья башка! Мало я вас на торге лупил, бес-толочей!

Липан сноровисто сунул под нос каждому из горе сторо-

жей внушительный кулак, позволив как следует занюхнуть запах грядущих неприятностей и разогнал набежавший народ по отведенным местам.

А сработала ловушечка! Улов вот только не такой как мечталось, но оно по большей части всегда так - пойдешь на налива, принесешь Никодима.

Больше никто за эту ночь на наших растяжках не запалился. Урманы то ли передумали, то ли вообще не планировали на нас рыпаться, а из своих желающих от боли покорчиться больше никого не нашлось. Поумнели.

Утром Шишак и Сытка наскоро позавтракав, умчались в город собирать информацию о веющих над нами враждебных силах.

- Повнимательнее там, - напутствовал я дулебов. - Если что-то важное увидите или услышите - бегом назад с докладом!

Лично проверил караул на воротах и дворе позади терема, справился у Жилы об Одинце - не появлялся ли? Не появлялся.

Судя по безоблачному небу и отсутствию ветра будет сегодня днем градусов двадцать семь не меньше. С самого утра жарко.

- Слушай, Стяр, - заговорил Ноздря, после того как мы «разрядили» «от дурака» на время светового дня все растяжки и сели отдохнуть за пустым столом под навесом. Ноздря украдкой пробежал взглядом по лицам Липана и Невула. -

Мы тут вот что подумали...

Неожиданный заход. Тем паче из уст быковатого Ноздри. Я внутренне подобрался, ведь разбойничья душа такие потемки - без фонаря не разберешь где чего от сердца идет, а где от желудка.

Я перекинул ногу, оседлал лавку, поправил ножны с мечом. Ужасно неудобная штукавина, хоть и привык уже, но постоянно обо что-то задевает, цепляется.

- Продолжай, Ноздря, слушаю тебя в оба уха.

- Шишак сказал, что у Шибая обитает всего несколько урманов, а сам Шибай пропал. Так?

- Угу, - кивнул я, недоумевая в какую сторону клонит дулеб.

- Так давай мы сами их там навестим. Пусть ответят за гибель боярина вировского Головача.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.